

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.155.175>

Долгая дорога к храму

(история открытия и новых поисков буддийской обители в долине р. Каратал)

© 2023 г. Рогожинский А.Е.

Keywords: Karatal, Laba Mountains, Buddhist monastery, P.S. Nechogin, N.N. Pantusov, Archaeological Commission

Түйін сөздер: Қаратал, Лаба таулары, будда ғибадатханасы, П.С. Нечогин, Н.Н. Пантусов, Археологиялық комиссия

Ключевые слова: Каратал, горы Лаба, буддийский монастырь, П.С. Нечогин, Н.Н. Пантусов, Археологическая комиссия

Alexey Rogozhinskiy¹

¹Candidate of Historical Sciences, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: alexeyro@hotmail.com

A Long Road to the Temple

(The history of the discovery and new searches for a Buddhist monastery in the Karatal River Valley)

Based on archival data, the article describes the history of the discovery, and then oblivion and resultless searches in the 19th century of a Buddhist monastery, accidentally discovered in 1854 on the right bank of the Karatal River, in the Laba mountains, by military engineer P.S. Nechogin. He excavated a religious structure (suburgan) here and discovered many miniature religious items: terracotta tsha-tshas in the form of a stupa (suburgan), and round medallions with the image of Avalokiteshvara. In the following years, the site was visited by P.A. Nikitin (1855), P.P. Semenov (1856) and N.A. Abramov (1860), who also conducted unauthorized excavations here. S. Nechogin repeatedly appealed to the scientific societies of Russia, seeking support for the study of the archaeological monument he had uncovered. In 1888-1890, the Imperial Archaeological Commission organized an expedition and entrusted the search and excavation of the monastery to amateur archaeologist N.N. Pantusov, but they were unsuccessful. In 2008-2009, the search for the monument resumed under the guidance of historian I.V. Erofeeva, who suggested that these were the remains of a monastery founded in the 1660s and 1670s by the Dzungarian rulers Ochirtu-Tsetsen Khan or Galdan-Boshokhtu Khan. Based on the analysis of archival and literary sources, as well as field research, the author of the article established the location of the Buddhist monastery in 2023.

Source of funding: The work was carried out as part of the implementation of the tasks of the project of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.

For citation: Rogozhinskiy, A. 2023. A Long Road to the Temple (The history of the discovery and new searches for a Buddhist monastery in the Karatal River Valley). *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 155–175 (in Russian).

DOI: [10.52967/akz2023.4.22.155.175](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.155.175)

Алексей Евгеньевич Рогожинский¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

Ғибадатханаға дейінгі ұзақ жол
(Қаратал өзенінің аңғарындағы будда
ғибадатханасының ашылуы
мен жаңа ізденістерінің тарихы)

Мақалада архивтік мәліметтер негізінде 1854 жылы
Қаратал өзенінің оң жағалауында, Лаба тауларында

Алексей Евгеньевич Рогожинский¹

¹кандидат исторических наук,
Институт археологии имени А.Х. Марғұлана,
г. Алматы, Казахстан

Долгая дорога к храму
(история открытия и новых поисков
буддийской обители
в долине р. Каратал)

На основе архивных данных в статье излагается
история открытия, а затем забвения и безрезультат-

әскери инженер П.С. Нечогин кездейсоқ тапқан будда ғибадатханасының ашылуы, ұмыт қалу және XIX ғ. нәтижесіз іздеу тарихы баяндалады. Ол бұл жерден діни құрылыс (субурган) қазды және көптеген діни миниатюралық бұйымдарды: келі (субурган) пішіндегі терракоталы ца-ца, Авалокитешвара бейнесімен дөңгелек медальондарды тапты. Кейінгі жылдары ескерткішке П.А. Никитин (1855), П.П. Семенов (1856) және Н.А. Абрамов (1860) келіп, бұлар да заңсыз қазба жұмыстарын жүргізеді. П.С. Нечогин бірнеше рет Ресейдің ғылыми қоғамдарына өзі ашқан археологиялық ескерткішті зерттеуге ықпал етуін сұрап өтініш жасады. 1888–1890 жж. Императорлық Археологиялық комиссия экспедиция ұйымдастырып, ғибадатхананы іздеуді және қазуды әуесқой археолог Н.Н. Пантусовқа тапсырды, алайда олар нәтижесіз болды. 2008–2009 жж. ескерткішті іздеу бұл 1660–1670 жж. жоңғар билеушілері Очирту-Цэцен-хан немесе Галдан-Бошохту-хан қалаған ғибадатхананың қалдықтары деп болжаған тарихшы И.В. Ерофееваның басшылығымен қайта басталды. Архивтік және әдеби дереккөздерді талдау, сондай-ақ далалық зерттеулер негізінде будда ғибадатханасының орналасқан жерін мақала авторы 2023 ж. белгілеген.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс ҚР ҒЖБМ Ғылым-комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер жобасы аясында, ЖТН BR20280993 даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Рогожинский А.Е. Ғибадатханаға дейінгі ұзақ жол (Қаратал өзенінің аңғарындағы будда ғибадатханасының ашылуы мен жаңа ізденістерінің тарихы). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 155–175-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.155.175](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.155.175)

ных поисков в XIX в. буддийского монастыря, случайно обнаруженного в 1854 г. на правом берегу р. Каратал, в горах Лаба, военным инженером П.С. Нечогиным. Он раскопал здесь культовое сооружение (субурган) и обнаружил множество миниатюрных культовых изделий: терракотовые ца-ца в форме ступы (субургана), круглые медальоны с изображением Авалокитешвары. В следующие годы памятник посетили П.А. Никитин (1855), П.П. Семенов (1856) и Н.А. Абрамов (1860), которые также произвели здесь нелегальные раскопки. П.С. Нечогин неоднократно обращался в научные общества России, желая содействовать изучению открытого им археологического памятника. В 1888–1890 гг. Императорская Археологическая комиссия организовала экспедицию и поручила поиски и раскопки монастыря археологу-любителю Н.Н. Пантусову, но они оказались безуспешными. В 2008–2009 гг. поиски памятника возобновились под руководством историка И.В. Ерофеевой, которая предположила, что это остатки монастыря, основанного в 1660–1670-е гг. джунгарскими правителями Очирту-Цэцен-ханом или Галданом-Бошохту-ханом. На основе анализа архивных и литературных источников, а также полевых исследований местонахождение буддийского монастыря установлено автором статьи в 2023 г.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.

Для цитирования: Рогожинский А.Е. Долгая дорога к храму (история открытия и новых поисков буддийской обители в долине р. Каратал). *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 155–175. DOI: [10.52967/akz2023.4.22.155.175](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.155.175)

*Памяти Ирины Викторовны Ерофеевой
(1953–2020)*

Введение

Эта история увлекла меня в 2008 г., когда впервые с пожелтевших листов архивных документов из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) и научных архивов Русского Географического общества (РГО) и Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН) в Санкт-Петербурге передо мной предстала череда драматических событий «дела Нечогина», но только теперь, после успешного завершения поиска удивительного памятника, о котором речь пойдёт ниже, можно поставить точку в конце повествования о его неоднократном открытии в прошлом, о последующем забвении местонахождения и многолетнем разыскании уже в наши дни. Впрочем, хочется надеяться, что подробным изложением истории открытия буддийского культового комплекса в долине р. Каратал будет положено начало нового этапа его существования – этапа всестороннего изучения и бережного сохранения.

Нельзя умолчать о ведущей роли в организации этих целенаправленных историко-археологических изысканий И.В. Ерофеевой: будучи выдающимся учёным-востоковедом и талантливым администратором на посту директора КазНИИ по проблемам культурного наследия номадов в 2006–2011 гг., она провела глубокий источниковедческий анализ доступных письменных и картографических материалов по данной теме, а затем инициировала и приняла личное участие в полевом поиске в верховьях р. Каратал таинственного «памятника буддийского культа», некогда найденного военным инженером П.С. Нечогиным. До конца своей жизни Ирина Викторовна полагала, хотя и с некоторой долей сомнения, что ей удалось отыскать тот самый «один из первых буддийских монастырей на территории Семиречья», руины которого «в настоящее время фактически не прослеживаются в ландшафте» [Ерофеева 2017: 37–38]. Сегодня мы знаем, что это не так, к сожалению; однако фактическое обнаружение памятника в 2023 г. не могло бы состояться без предшествовавших тому трудов И.В. Ерофеевой, поэтому его открытие в равной мере принадлежит ей тоже.

Фундаментальным вкладом в археологическую науку Казахстана стало осуществлённое по инициативе И.В. Ерофеевой издание более 300 документов дореволюционного периода по истории археологии Семиреченской области из фондов ЦГА РК и Научного архива ИИМК РАН, собранных и подготовленных к печати И.М. Самигулиным и А.Е. Рогожинским: «Археология Семиречья. 1857–1912 гг.» (отв. ред. Б.Т. Жанаев, сост. И.М. Самигулин; Алматы, 2011). Это уникальное собрание исторических источников ещё не раз будет востребовано специалистами. Однако в солидный том сборника не вошла серия документов из архива РГО, которые освещают ряд важных обстоятельств, раскрывающих тему данной статьи. Некоторые из этих источников цитируются здесь и впервые вводятся в научный оборот.

Хроника открытий: 1850–1860 гг.

О первооткрывателе буддийского памятника на Каратале известно немного. Пётр Степанович Нечогин получил высшее военно-техническое образование в Главном инженерном училище в Санкт-Петербурге, где обучался в 1838–1842 гг. вместе с Ф.М. Достоевским и по окончании нижнего офицерского класса выпущен прапорщиком [Тихомиров 2020: 10, 12, 15]. Далее служба военного инженер-поручика П.С. Нечогина до 1859 г. проходила в Омске, в составе инженерной команды отдельного Сибирского корпуса.

В 1854–1855 гг. он был командирован в Семиреченский край для «укрепления кордонным способом» [НА ИИМК РАН. РА. Ф.1. Оп. 1. 1888 г. Д. 5. Л. 2] недавно основанного г. Копал (1847 г.), т. е. для строительства оборонительных постов (пикетов) вдоль почтовой дороги в Заилийский край (рис. 1, 2, 3) [Леденев 1909: 710]. В 1854 г. в ходе рекогносцировки с целью поиска необходимых строительных материалов в долине р. Каратал, в 50 верстах к юго-западу от Копала, его внимание привлекли необычные сооружения, заметные издали на склоне гор, над обрывистым правым берегом большой реки (рис. 2, 1). Бегло обследовав руины, он заметил, что к некоторым из «искусственных бугров» от реки «ведут подземные галереи, тщательно заложенные камнями». Проведя небольшие раскопки на одном «бугре из насыпной глины», П.С. Нечогин собрал коллекцию найденных здесь загадочных предметов – «искусственных фигур, сделанных из глины» в виде конусовидных пирамидок и округлых медальонов с изображением сидящего божества. По возвращении в Копал любознательный инженер-поручик доложил о своих удивительных находках командованию Сибирского корпуса, «но никаких распоряжений по сему не последовало». Это не

умерило энтузиазм П.С. Нечогина, и он самостоятельно продолжил сбор сведений «от киргизских мулл», по которым следовало, что обнаруженные им в «священных горах Лаба» развалины являются остатками буддийского монастыря «древних монголов».

В конце осени 1856 г., оставаясь на военной службе в Омске, он направил в Вольное Экономическое общество – старейшее учёное общество России – письменное обращение с просьбой организовать научные раскопки на Каратале, «не желая сделанные открытия оставить без внимания». К письму прилагалось подробное «Описание памятников древности» с тремя искусными рисунками пером на полях страниц: 1) панорама гор Лаба с общим видом «бугров»; 2) найденное в одном из «бугров» скопление «уложенных тщательным образом» конусовидных «фигур», украшенных рельефными узорами и надписями «на монгольском языке»; 3) рисунок конусовидной «фигуры» в разрезе, внутри которой «при разломе в середине находятся заделанные пшеничные зерна» (рис. 2, 1, 4, 5). Как следует из документов, П.С. Нечогин передал в Петербург несколько своих находок: «фигуры, означенные под литерами *a, б, в, г, д, е, ж, з*, и при сем прилагаются»; «с представленных при сем памятниках древности я желал бы иметь копии в рисунках». Письмо с приложенным к нему «Описанием» было передано из Вольного Экономического общества в РГО вместе с присланными находками. С бумагами П.С. Нечогина в том же архивном деле хранится документ с записью без даты, сделанной карандашом на поле листа: «Образцы и письма Нечогина присланы при отношении Кавелина из В[ольного] Э[кономического] общества». К.Д. Кавелин мог распорядиться таким образом материалами П.С. Нечогина, будучи в то время непременным секретарем Императорского Вольного Экономического Общества. Дальнейшая судьба переданных в РГО предметов не выяснена.

Упомянутый документ датирован 20 апреля 1857 г. и является автографом Василия Павловича Васильева (1818–1900) – известного российского китаевода и буддолога, знатока тибетского, санскритского, монгольского и маньчжурского языков, профессора Санкт-Петербургского университета (с 1855 г.) и действительного члена РГО (с 1852 г.). По содержанию документ представляет собой краткое заключение эксперта о памятниках, открытых П.С. Нечогиным: «Касательно древностей <...> в окрестностях Копала на горах Лаба около речки Каратала, честь имею донести Обществу, что по всем соображениям, тут было кладбище поклонников буддизма. Вероятно, то были цзюнггары или, как их называет г-н Нечогин, калмыки <...> Самое название Кара тала – “черная долина” на цзюнггарском или монгольском языке доказывает это. Может

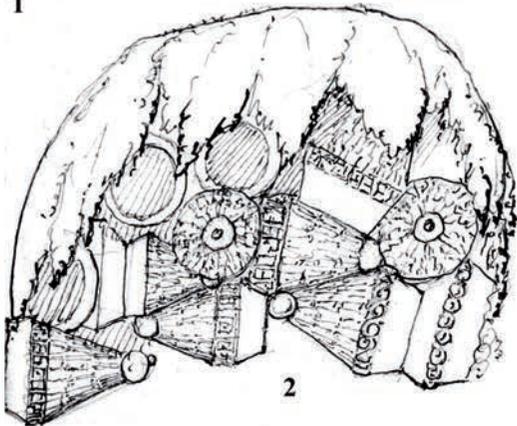
Рис. 1. Долина Каратала и горы Лаба на исторических картах XVIII–XIX вв.: 1 – буддийский монастырь на правом берегу р. Каратал на карте Й.-Г. Рената, 1738 г.; 2 – горы Лаба, пикет султана Сюка (Суюка) и копальский участок почтового тракта на карте 1862 г.; 3 – горы Лаба, Ешкиолмес и выселок Карабулакский на десятиверстной карте конца XIX в.

1-сур. XVIII–XIX ғғ. тарихи карталарындағы Лаба тауы мен Қаратал жазығы: 1 – 1738 ж. Й.-Г. Рената картасындағы Қаратал өзенінің оң жағалауындағы будда ғибадатханасы; 2 – 1862 ж. картадағы пошта трактіңдегі қопал участогі, сұлтан Соуктің (Суюк) пикеті және Лаба тауы; 3 – Лаба, Ешкіөлмес таулары және XIX ғ. соңындағы он версті картадағы Қарабулақ қонысы

Fig. 1. Karatal Valley and Laba mountains on historical maps of the 18th–19th centuries: 1 – Buddhist monastery on the right bank of the Karatal river on the map of Y.-G. Renat, 1738; 2 – Laba mountains, Sultan Suk's (Suyuk) picket and Kopal section of the postal tract on the map of 1862; 3 – Laba mountains, Eshkiolmes and the settlement of Karabulak on a ten-verst map of the late 19th century

1

2

3

2

*О памятнике Зубовских.
См. рис. 2.*

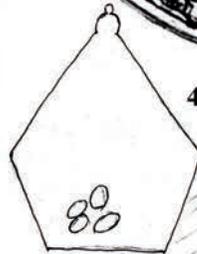
Зубовский памятник, в 1850 году, в Воронежской губернии, представляет собой развалины каменного сооружения, состоящего из нескольких частей, в том числе из каменных плит, в которых найдены различные предметы, в том числе и каменные шары, в том числе и каменные шары, в том числе и каменные шары.

Развалины эти каменного сооружения, в том числе и каменные шары, в том числе и каменные шары, в том числе и каменные шары.

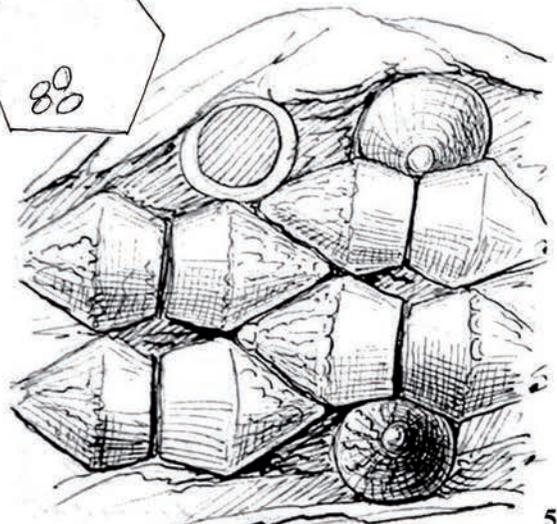
На берегу реки находится каменный памятник, в том числе и каменные шары, в том числе и каменные шары, в том числе и каменные шары.

Развалины эти каменного сооружения, в том числе и каменные шары, в том числе и каменные шары, в том числе и каменные шары.

6

4

5

Александр Никольский

быть, г-н Нечогин и справедливо предполагает, что название гор Лаба происходит от измененного монгольско-тибетского слова «лама», но на тибетском языке Лаба соответствует также могильным курганам; фигуры, из которых составлены бугры, суть так называемые *цаца*, которые именно складываются на кладбищах и суть умиловительная жертва местным духам, они нередко были описываемы. <...> Но всего интереснее то, что существование кладбища указывает на пространство бывших цзюнгарских владений; не надобно думать, чтоб оно было древнее». О последующей переписке РГО с П.С. Нечогиным упоминается в одном из его поздних писем, но об экспертном мнении В.П. Васильева он явно не был уведомлен.

Таким образом, в фондах РГО отложились наиболее ранние материалы по научному изучению памятников на горе Лаба и самое первое их «Описание», составленное П.С. Нечогиным вскоре после своего открытия. В научном архиве ИИМК РАН сохранился и другой вариант описания, датируемый 1887 г., который П.С. Нечогин дополнил новыми сведениями и ещё одним рисунком находок – медальона с изображением «мифического божества». Кроме того, здесь он перечисляет своих бывших информаторов в Семиречье: «По сведениям, собранным мною от местных киргизов и в особенности 120-летнего старика Чубар-муллы (пестрого муллы), а равно и от калмыков». Поясняя странное прозвище главного информатора, автор сделал примечание: «Чубар был рябым». Упоминание этой известной личности (см. о нём ниже) подтверждает данные П.С. Нечогина о местонахождении монастыря в горах Лаба.

Как уже говорилось, П.С. Нечогин не сделал секрета из своего открытия, поэтому желающих осмотреть «памятники древности» на Каратале и поискать там диковинные вещи во второй половине 1850-х гг. оказалось немало – и среди немногочисленной тогда местной или путешествующей образованной публики, и среди простонародья, включая переселившихся из кокандских владений на Каратал шала-казахов [Жанаев 2010] и служилых казаков, прибывавших в Семиреченский край из Сибири. Это совпало с началом активного благоустройства новоприобретённых территорий, когда, после основания на левобережье Или укрепления Верное, почтовый тракт был продлён до Заилийского края (рис. 1, 2).

Строительство кордонов в 1854–1855 гг. велось двумя военно-инженерными командами – из Верного и Копала одновременно. Команда копальских казаков под началом гарнизонного инженер-прапорщика П.А. Никитина и прикомандированного из Омска П.С. Нечогина [Ивлев 1983: 59–60] обустроила пять пикетов, включая Каратальский, у восточного склона гор Лаба, где была наведена переправа через Каратал [Венюков 1873: 250; Леденев 1909: 108; Ивлев 1983: 183]. В это самое

Рис. 2. Рисунки П.С. Нечогина в рукописях: 1, 5 – «Описание памятников древности», 1856 г. [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 4 об.]; 2–4, 6 – «О памятниках древности (близь Копала)», 1887 г. [НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1. Оп. 1. 1888. № 5. Л. 2–4 об.]. Внизу автограф П.С. Нечогина, 1856 г.

2-сур. П.С. Нечогин қолжазбасындағы суреттер: 1, 5 – «Ежелгі ескерткіштер сипаттамасы», 1856 ж. [РГҚ архиві. Ф. 70. Т. 1. Іс 2. 4-б, 4-к/б]; 2–4, 6 – «Ежелгі ескерткіштер жайлы (Қопал маңы)», 1887 ж. [РҒА ММТИ ҒА. ҚА. Ф. 1. Т. 1. 1888. № 5. 2–4-б., к/б]. Төмен жағында П.С. Нечогиннің автографы, 1856 ж.

Fig. 2. Drawings by P.S. Nechogin in manuscripts: 1, 5 – “Description of ancient monuments”, 1856 [Archive of the Russian Geographical Society. F. 70. Inv. 1. C. 2. Sh. 4, 4 rev.]; 2–4, 6 – “On ancient monuments (near Kopal)”, 1887 [Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. F. 1. Inv. 1. 1888. No. 5. Sh. 2–4, rev.]. At the bottom is the autograph of P.S. Nechogin, 1856.

время развалины буддийского монастыря, вблизи которых теперь пролегал почтовый тракт и возникли оседлые поселения шала-казахов [Семенов-Тянь-Шанский 1947: 126–127], неоднократно становились объектом особого внимания.

Петр Алексеевич Никитин (род. в 1816 г.) известен как строитель первой каменной церкви в Копале (1850 г.) и мостов через р. Коксу и Каратал, возводил укрепления вокруг Большой Алматинской станицы незадолго до Узун-Агачского сражения 1860 г., а также заведовал строительной частью Кульджинского района, с 1874 г. проживая в Кульдже [Ивлев 1983: 179–183; Проскурин 2018: 217]. По ходатайству П.П. Семенова после личного знакомства, состоявшегося в Копале осенью 1856 г., инженер-прапорщик П.А. Никитин в 1857 г. получил диплом члена-сотрудника РГО для ведения метеорологических наблюдений [Ивлев 1983: 180]. Находясь в Кульдже, он передал в РГО через английского путешественника, писателя и переводчика Эдварда Делмара Моргана (1840–1909) две старинные монеты и тетрадку, содержащую описание и рисунки разных археологических находок. В Санкт-Петербурге тетрадка какое-то время находилась в распоряжении востоковеда-индолога И.П. Минаева (1840–1890), но после его смерти была возвращена Л.Н. Майковым в архив РГО, где хранится поныне [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–8].

Рисунки на листах тетрадки сделаны первоначально карандашом, позже обведены чёрной тушью; пояснения к ним и сопроводительная записка на первом листе написаны с помарками, пропусками и исправлениями, с пятнами невысохшей туши на преждевременно сложенных листах; на свободных участках листов мелким почерком кое-где вписаны дополнительные комментарии (рис. 3). Карандашные зарисовки зооморфных фигур и знаков, выбитых на скалах («высечены в гранитной породе в наносных камнях»), выполнены, вероятно, с натуры («сняты мной изображения в Копальском уезде»); явно с натуры зарисована «луковидная глава» – фигурка *ца-ца* с тибетской надписью, обведённой тушью. По-видимому, ретушь рисунков и комментарии к ним делались второпях по случаю срочной отправки тетради с оказией: «Передаю эти надписи англичанину Дильмар Морган. Для передачи в Русское Географическое Общество, – на рассмотрение от поручика Петра Алексеевича Никитина в г. Кульдже».

Из разрозненных комментариев П.А. Никитина следует, что в 1854 г. он осмотрел руины «бывших буддийских зданий» в горах Лаба на правом берегу Каратала, провёл здесь самовольные раскопки и собрал ряд предметов, напоминающих находки П.С. Нечогина: «Найдено много изображений, сделанных из глины, наподобие монеты, и на каждой изображалось святой, величина их не более нашей копейки (серебром) медной; к сожалению, я не сохранил, а в настоящее время нет и найти не мог в Кульдже. Каратальские буддистские храмы древнейшие, по рассказам лам». К рисунку *ца-ца* относится комментарий: «Сделан из глины в натуральную величину, показан найденный при раскопке на берегу реки Каратала, на правой стороне, на скале был ламайский монастырь, совершенно разрушен. В настоящее время найти невозможно подобных фигур. Можно достать только у калмыков разве. Калмыцкие эмигранты сделали раскопки и как священное изображение взяли с собой. Раскопка произведена в 1854 году. Изделие это обожжено, и в середине положены по три пшеничные зерна, герметически закупорен. Местность эту называют киргизы Лабу (горы), находится от выселка Карабулакского в 12 верстах выше по реке Караталу, от берега Каратала в 300 сажнях и почти на высоте горы Лабу. Здание было сложено из аспида, сланец на цементе из глины» [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 6а]. Ценным дополнением сведений о памятнике является указание П.А. Никитина, что вблизи «бывших буддийских зданий в 200 сажнях» на скале выбита тибетская надпись, перевод которой («ом-ма-ни-бет-ма-хум») сделан в Кульдже старым

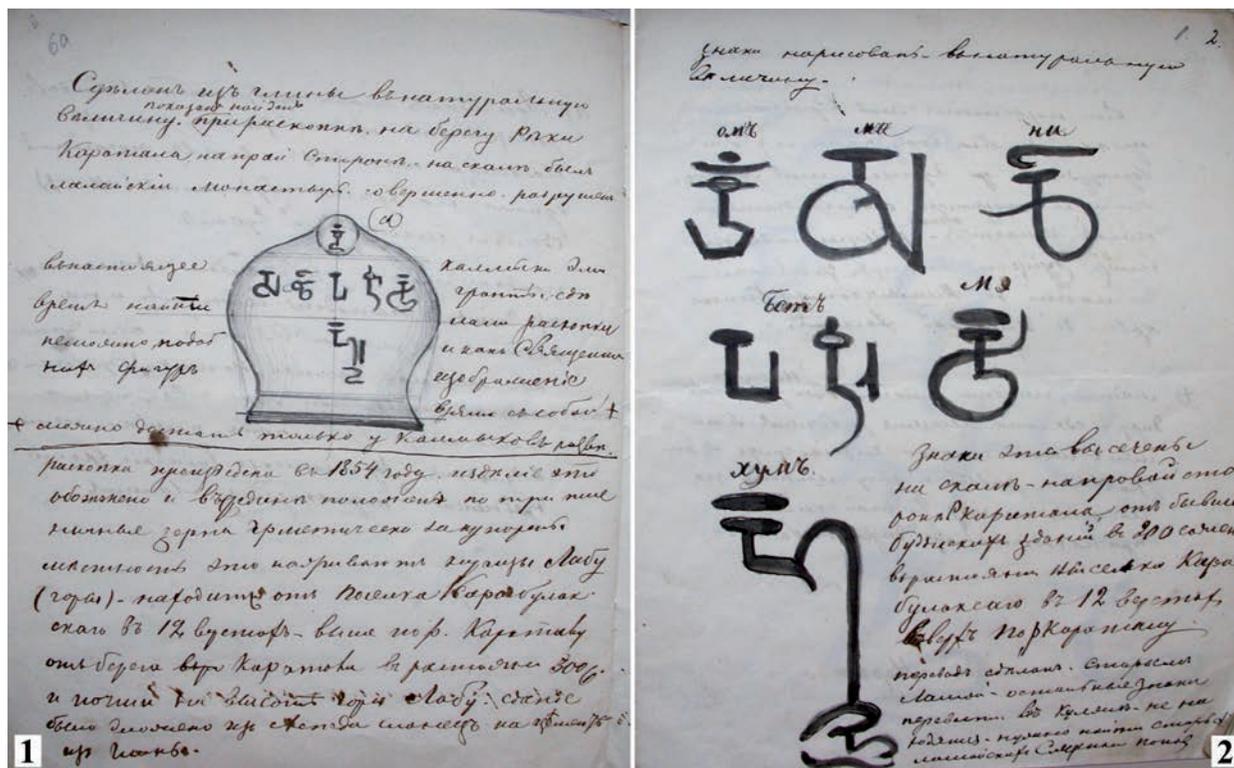
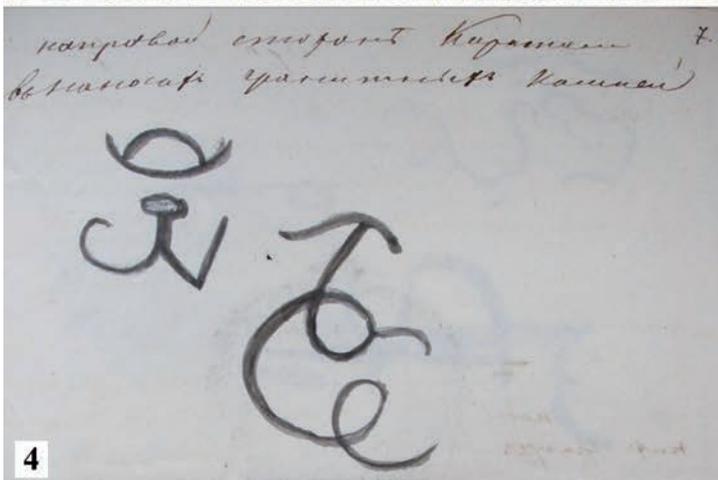

Рис. 3. Рисунки находок в горах Лаба в тетради П.А. Никитина [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 6а] 3-сур. П.А. Никитин дәптеріндегі Лаба тауы олжаларының суреттері [РГҚ архиві. Ф. 70. Т. 1. Іс 2. 2, 6а-6б.]

Fig. 3. Drawings of finds in the Laba mountains in P.A. Nikitin's notebook [Archive of the Russian Geographical Society. F. 70. Inv. 1. C. 2. Sh. 2, 6a]

ламой; вторая надпись (рис. 4, 4) – «на правой стороне Каратала, в наносах гранитных камней» [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 7].

Пунктом отсчёта расстояний до известных ему памятников П.А. Никитин указывает выселок (поселок) Карабулакский и трижды сообщает, что остатки строений буддийского монастыря находятся в 12 верстах (около 13 км) от него вверх по р. Каратал [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 2, 6а]. В буквальном истолковании этого указания для путевых расчетов кроется роковая ошибка, которая впоследствии увела в ином направлении поиски памятника, организованные И.В. Ерофеевой в 2008–2010 гг. После безуспешных разведок в горах Лаба, которые в 2008–2009 гг. провела группа сотрудников КазНИИ ПКНН (А.Е. Рогожинский, И.М. Самигулин, С.С. Садыков, М.Н. Масанов и др.), поисковая работа в 2010 г. была перенесена в верховья Каратала (по ориентировке П.А. Никитина), где на западных склонах гор Мыншункур обнаружены единичные памятники джунгарского периода (петроглифы, наскальная ойратская надпись) и рядом – остатки фундаментальных построек, которые идентифицированы, хотя и с оговорками, как руины буддийского монастыря, открытого П.С. Нечогиным [Сала, Деом 2019: 260]. Однако локализация этих объектов в 20 км от п. Карабулак, в 12 км от гор Лаба и на удалении 4,5 км от берега р. Каратал не позволяет согласиться с таким отождествлением: в горах Мыншункур обнаружена другая группа памятников, исследование которых ещё предстоит.

Как непосредственный исполнитель строительства копальского участка почтового тракта, П.А. Никитин не мог не знать, что первоначально в 1855 г. на правом берегу Каратала у переправы был заложен пикет Каратальский, находившийся у восточной оконечности гор Лаба, и лишь в 1858 г., когда гужевая дорога пролегла вдоль северо-западного склона гор (рис. 1, 2), на левобережье Каратала, на ручье Карабулак, была основана новая станция Карабулакская (с 1871 г. – выселок Карабулакский [Недзвецкий 1905: 49]), или пикет султана Сюка (Суюка); тогда же пикет у бывшей переправы преобразован в казачий хутор, а затем в выселок Каратальский [Абрамов 1867: 274; Леденев 1909: 116]. Кратчайшее расстояние от пикета Карабулакского до гор Лаба, на склоне которых под вершиной находились остатки монастыря, не превышало нескольких вёрст, но доехать туда можно было только через одну из наведённых переправ через Каратал. «Прежняя пикетная дорога от Копала в Верное, – поясняет П.П. Семенов в своих мемуарах [Семенов-Тян-Шанский 1947: 126], – выходила на Каратал в Каратальском пикете, находившемся в восьми верстах от нынешнего Карабулакского пикета, выше по реке Караталу, в самой долине реки». По всей видимости, П.А. Никитин воспользовался переправой напротив пикета Каратальский и указал общую длину пути от Карабулакского выселка до старого пикета (8 верст), а затем вдоль правого берега Каратала до обследованного им «ламайского монастыря» (4 версты): суммарное расстояние пути и составляет 12 верст выше по Караталу от выселка Карабулакского. Одна из двух тибетских надписей и некоторые наскальные рисунки, найденные П.А. Никитиным «в 8-ми верстах» или «от 6 и 7 верст от выселка Карабулакского», по-видимому, располагались вблизи переправы через Каратал.

Вскоре похожим маршрутом вместе со своими спутниками проехал к памятнику ещё один его исследователь – Петр Петрович Семенов (1827–1914), направлявшийся в первое путешествие на Тянь-Шань в 1856 г. Данный эпизод путешествия уже привлекал внимание исследователей [Марков 1981: 71–73; Ивлев 1983: 179–182]. Оказавшись в те годы в Копале, любознательный путешественник мог получить нужную информацию о достопримечательностях Семиречья от таких знатоков края, как подполковник С.М. Абакумов (ум. в 1865 г.), казачий офицер и основатель Копальского укрепления, участник первых научных экспедиций по Джунгарскому Алатау российских натуралистов Г.С. Карелина, А.И. Шренка и А.Г. Влангали [Марков 1981: 71].

Рис. 4. Современный вид памятников в горах Лаба: 1, 3 – остатки культовых построек на обрывистом склоне гор вблизи впадения р. Теректы в Каратал; 2 – ступени из обработанных камней в ущелье к западу от горы Лабашоки; 4 – неточно зарисованные знаки тибетской надписи из тетради П.А. Никитина [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 7]; 5 – тибетская надпись возле руин буддийского монастыря. Фото: 1 – Даниил Белов (БПЛА), 2023 г.; 2 – Рафаэль Хисматуллин, 2023; остальные – Алексей Рогожинский, 2008 г. (4) и 2023 г.

4-сур. Лаба тауындағы ескерткіштердің қазіргі түрі: 1, 3 – Теректі өзенінің Қараталға құяр тұсындағы таудың жартасты баурайындағы діни құрылыстың қалдықтары; 2 – Лабашоқы тауынан батысқа қарай шатқалдағы өңделген тастардан жасалған баспалдақтар; 4 – П.А. Никитиннің дәптерінен алынған тибет жазуының анық емес салынған белгілер [РГК архиві. Ф. 70. Т. 1. Іс 2. 7-б.]; 5 – будда ғибадатханасының қирандысы жанындағы тибет жазуы. Фото: 1 – Даниил Белов (ПҰА), 2023 ж.; 2 – Рафаэл Хисматуллин, 2023; қалғаны – Алексей Рогожинский, 2008 ж. (4) және 2023 ж.

Fig. 4. Current view of monuments in the Laba mountains: 1, 3 – remains of religious buildings on a steep mountain slope near the confluence of the Tereky River with Karatal; 2 – steps made of processed stones in a gorge west of Mount Labashoky; 4 – inaccurately sketched signs of a Tibetan inscription from P.A. Nikitin's notebook [Archive of the Russian Geographical Society. F. 70. Inv. 1. C. 2. Sh. 7]; 5 – a Tibetan inscription near the ruins of a Buddhist monastery. Photo: 1 – Daniil Belov (UAV), 2023; 2 – Rafael Hismatullin, 2023; the rest – Alexey Rogozhinskiy, 2008 (4) and 2023

Поскольку знакомство с П.А. Никитиным состоялось лишь на обратном пути из Заилийского края, о существовании развалин старинного монастыря на Каратале П.П. Семенов, по-видимому, узнал от С.М. Абакумова [Ивлев 1983: 180–182]. Собеседником П.П. Семенова вновь упоминались «какие-то круглые глиняные медальоны, на которых были изображены на каждом по сидящей фигуре со скрещенными ногами и короной на голове, а затем еще другие предметы, слепленные из глины»; любопытство побудило путешественника отклониться от маршрута экспедиции и отправиться из Карабулакского пикета на Каратал, «чтобы разыскать древние исторические предметы буддийского культа, о которых мне говорили в Копале» [Семенов-Тян-Шанский 1947: 127, 131].

Рассказ П.П. Семенова насыщен подробностями о пути следования к памятнику у горы Лаба и содержит важное отступление о «каратальских чолоказаках», в котором описывается встреча с Чубар-муллою, оказавшимся казанским татаринном, беглым каторжанином, «старцем лет 80 с явными следами вытравленных клейм на лице» [Семенов-Тян-Шанский 1947: 126–130]. Преодолев вброд трудную переправу через Каратал, П.П. Семенов и его спутники «повернули круто и скоро очутились перед ближними жилищами поселка» шала-казахов, где состоялась беседа с «престарелым патриархом Чубар-муллою, на которого мне указали как на единственное лицо, знающее, где были найдены интересные исторические предметы в каратальской долине». Затем в сопровождении проводников-шала-казахов путешественник пешком («повели меня») направился «в сторону от аула, на прибрежный к реке кряж, возвышавшийся над ней метров на 100 и состоявший из скалистых обрывов сланцев, поставленных на ребро, простирающихся от запада к востоку и имеющих естественное падение под углом в 80°; на этих-то скалах и к этим обрывам были прислонены человеческие сооружения, сложенные из плит тех же горных пород, но положенных горизонтально и разделенных между собой насыпями глины. Иногда все это принимало форму небольших курганов» [Семенов-Тян-Шанский 1947: 131]. По описанию П.П. Семенова, памятник находился вблизи Каратальского пикета и аула Чубар-муллы, на правом берегу Каратала, на вытянутой вдоль реки обрывистой скалистой возвышенности, составлявшей склон или подошву «кряжа» высотой около 100 м, т. е. вершину гор Лаба, которая сегодня носит имя Лабашоки (1088 м).

П.П. Семенов был осведомлен, что незадолго до него раскопки на буддийском монастыре произвели военные инженеры, строившие дорогу и пикеты у каратальской переправы. Он и сам приехал сюда в надежде отыскать «древние предметы буддийского культа». «При помощи своих работников и чолоказаков я прокопал один из таких курганов поперек во всю его высоту и ширину поперечной канавой. Могилой перекопанный мною курган не оказался. В нем не было никаких костей, ни предметов, находимых в могилах, и я пришел к заключению, что эти человеческие сооружения были жилищами или кельями буддийских отшельников или монахов времени джунгарского владычества XVII века. Медальонов с изображением Будды я уже не нашел, потому что мы попали на курган, хищническая раскопка которого была наскоро сделана инженерами, но другие предметы, о которых нам говорили, мы нашли в сотнях экземпляров. То были небольшие предметы от 8 до 10 сантиметров в высоту, тщательно слепленные из глины. Они имели сходство по виду с небольшими коронками формы мономаховой шапки с рельефными украшениями на своей верхней, конической части и с тибетской надписью кругом. Очевидно, это были какие-то предметы буддийского культа, изготовлявшиеся кустарным промыслом монахами, жившими в кельях на Каратале» [Семенов-Тян-Шанский 1947: 131–132].

Остаётся добавить, что красочный рассказ, примечательный подробностями о местонахождении буддийской обители, содержится в мемуарах П.П. Семенова-Тян-Шанского, которые при жизни

знаменитого естествоиспытателя не публиковались. Только однажды в научной печати он проявил осведомлённость о памятнике на берегу Каратала.

В 1867 г. издана в «Записках РГО по общей географии» статья Н.А. Абрамова (1812–1870) «Река Каратал с ее окрестностями», в которой автор, как никто другой из очевидцев того времени, точно и в деталях описал местонахождение памятника, взаиморасположение и размеры фундаментов 16-ти построек «буддийско-ламайского монастыря», в том числе двух храмов, к которым ведут каменные лесенки, осмотренных им в горах Лаба в 1860 г. По Н.А. Абрамову, памятник находился «около реки Каратала, на горе Лоба», «от бывшего Каратальского пикета верстах в полутора, близь речки Теректы»; «подъем на саму гору крут, и потому надобно было идти пешком. В полугоре (*устар.* полугора – середина между подошвой и вершиной горы; склон горы. – *Прим. авт.*) на площади сказанные фундаменты шестнадцати зданий, одно от другого в близком расстоянии» [Абрамов 1867: 275].

По словам сопровождавших семипалатинского краеведа казаков, здесь при раскопках «около 1855 года» находили глиняные овалы плитки «вроде медальонов» с оттиснутыми изображениями «бурханов» на обеих сторонах «с признаками бывшей алой краски и позолоты». По поводу высказанного Н.А. Абрамовым сожаления, «что при всем старании моем не дошли до меня эти древности», П.П. Семенов оставил редакторское примечание: «Я видел эти плитки, или медальоны, у покойного Чокана Чингисовича Валиханова» [Абрамов 1867: 276]. Здесь необходимо коснуться темы причастности Ч.Ч. Валиханова к исследованию буддийского монастыря в горах Лаба.

В своё время этот вопрос специально изучался Н.П. Ивлевым (1928–1998), который установил круг семиреченских знакомых П.П. Семенова и Ч.Ч. Валиханова, имевших отношение к раскопкам на Каратале, и реконструировал хронологию их встреч и взаимных контактов, во время которых Ч.Ч. Валиханов мог получить медальоны [Ивлев 1983: 179–182]. Впрочем, алматинскому краеведу не были известны цитируемые здесь документы из архива РГО, благодаря которым точно устанавливается, что раскопки «бугров» в горах Лаба производили инженеры, прокладывавшие почтовый тракт в долине Каратала: П.С. Нечогин в 1854 г. (во время разведки строительных материалов для будущих «кордонов») и, вероятно, повторно вместе с П.А. Никитиным в 1855 г. (при строительстве Каратальского пикета); только они обнаружили помимо множества фигурок *ца-ца* несколько медальонов с изображениями божества. Раскопки П.П. Семенова в 1856 г. и Н.А. Абрамова в 1860 г. оказались менее успешными: медальоны обнаружить им не удалось, но оба слышали о них, вероятно, от С.М. Абакумова в Копале.

Н.П. Ивлев предположил, что Чокан Валиханов получил медальоны от П.А. Никитина в июле 1856 г., возвращаясь в Омск после экспедиции на Иссык-Куль: в Копале он задержался на несколько дней, ожидая С.М. Абакумова и П.А. Никитина, занятых в то время взрывными работами при строительстве дороги через Кысыкауз [Ивлев 1983: 182; Валиханов 1984: 353–354]. Действительно, как следует из записи в тетради П.А. Никитина, ранее у него были медальоны, которые он, «к сожалению, не сохранил». Передал ли он свои находки Ч.Ч. Валиханову? Трудно представить, что Ч.Ч. Валиханов, получив из первых рук уникальные древние предметы и, несомненно, точную информацию о местонахождении памятника, не попытался лично его обследовать; ведь незадолго до этого он специально проехал, отклонившись от пикетной дороги, в Илийский Капчагай, чтобы осмотреть и зарисовать буддийские изображения и надписи в Тамгалыгас [Валиханов 1984: 350]. Наконец, тогда же, в конце июля, ему пришлось с полдороги в Семипалатинск повернуть

обратно и отправиться в Кульджу, снова проехав дважды через пикет султана Суюка («дорога от Джангизагача до Сюковского пикета гориста») вблизи гор Лаба [Валиханов 1984: 352; 1985: 174], о которых в трудах Ч.Ч. Валиханова вовсе нет упоминаний. Всё это вызывает сомнение в верности догадки Н.П. Ивлева. По всей видимости, Чокан Валиханов не бывал лично на горах Лаба, а находки из раскопок буддийского памятника ему переданы в Омске самим П.С. Нечогиным. Цепь известных событий делает такое предположение более вероятным: 1) поздней осенью 1856 г. Ч.Ч. Валиханов вернулся в Омск из кульджинской поездки, но незадолго до этого по пути встречался с Ф.М. Достоевским и П.П. Семеновым в Семипалатинске, где мог узнать о памятнике на горе Лаба от уже побывавшего на нём «глубокомудренного» Петра Петровича; 2) 28 ноября того же года П.С. Нечогин неожиданно, спустя два года после открытия монастыря на Каратале, пересылает в Вольное Экономическое общество первое «Описание» памятника вместе с некоторыми своими находками, «не желая сделанные открытия оставить без внимания». Подсказать этот верный шаг П.С. Нечогину мог Ч.Ч. Валиханов, получив в дар при встрече часть собранных на Каратале медальонов, которые П.П. Семенов видел у Чокана до или после второго путешествия на Тянь-Шань в 1857 г., когда пребывал в Омске и ходатайствовал перед губернатором Г.Х. Гасфортом об отправке Ч.Ч. Валиханова в кашгарскую экспедицию [Семенов-Тянь-Шанский 1947: 82–83, 372].

Часть предметов, за исключением отправленных в Вольное Экономическое общество, оставалась в коллекции П.С. Нечогина до окончания службы в Сибири в 1859 г.; последний сохранившийся у него медальон он переслал из Симферополя на адрес Императорской Археологической комиссии в начале 1888 г. [Археология Семиречья 2011: 236].

Поиски монастыря в 1887–1890 гг.

После неоднократных осмотров и ненаучных раскопок разными любителями древностей в 1850-х гг., руины буддийского монастыря на р. Каратал оказались забыты более чем на четверть века. Памятники в горах Лаба не упоминаются в сводном списке археологических достопримечательностей Копальского уезда, составленном Н.Н. Пантусовым на основе опросных данных, собранных по распоряжению военного губернатора области в 1885–1886 гг. [Археология Семиречья 2011: 392–394].

Никто из первооткрывателей памятника больше к нему не возвращался. П.А. Никитин по выходе в отставку переехал в 1880 г. из Кульджи в г. Маргелан, в Ферганскую область [Проскурин 2018: 218]. П.С. Нечогин продолжил в 1860-х гг. инженерную службу на Кубани, затем вышел в отставку в чине подполковника, перебрался в Крым и проживал в Симферополе. В 1888 г. он издал две брошюры (Деление всех углов от 0 до 180° на три равные части, изобретенное военным инженером подполковником П.С. Нечогиным. Симферополь, 1888; Нечогин П.С. Простейший практический способ деления углов посредством шаблона (углоделителя): Приложения. Симферополь: тип. Спиро, 1888), которые были рекомендованы Министерством народного просвещения для библиотек и преподавателей средних учебных заведений [Определения 1891: 57–58]. Но все эти годы П.С. Нечогин не оставлял надежды привлечь внимание научных учреждений России к изучению открытого им буддийского монастыря. Происходившие в стране перемены, казалось, благоприятствовали реализации планов отставного военного инженера.

На волне «великих реформ» во второй половине XIX столетия завершалось становление государственной службы по охране и изучению археологических памятников. Помимо общественных научных организаций, таких как Русское археологическое общество (с 1846 г.) и Московское

археологическое общество (с 1864 г.), разворачивало свою деятельность созданное в 1859 г. полномочное ведомство – Императорская Археологическая комиссия, которая до 1917 г. выполняла роль главного государственного учреждения, организовывавшего научные археологические исследования и «разыскание предметов древности, относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией» [Длужневская 2006: 112]. Постоянный штат учреждения был небольшой, но привлечение к сотрудничеству сверхштатных специалистов, а также членов-корреспондентов на местах, в провинции, профессиональная подготовка которых представлялась достаточной для выполнения самостоятельных раскопок, давало возможность организовывать археологические исследования на всей территории огромной империи. Археологической комиссии принадлежало право выдачи специальных разрешений (открытых листов) на производство раскопок. В Семиреченской области официальным агентом Комиссии после 1885 г. выступал старший чиновник особых поручений при военном губернаторе Н.Н. Пантусов (1849–1909), которому лично покровительствовал генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский (1819–1896) [Рогожинский 2011].

Из опубликованной недавно многосторонней переписки по поводу буддийского монастыря на р. Каратал следует, что инициатива возобновления археологического изучения памятника вновь принадлежала П.С. Нечогиному [Археология Семиречья 2011: 229–239]. В ноябре 1887 г. отставной инженер-подполковник как частное лицо обратился к генералу Г.А. Колпаковскому «с просьбой дозволить сделать раскопку местности и исходатайствовать от Географического Общества на это изыскание субсидию», ссылаясь на то, что генерал-губернатор заслуженно пользуется славой покровителя науки и много лет состоит почетным членом РГО [Археология Семиречья 2011: 235]. Ответ из канцелярии генерал-губернатора от 18 декабря гласил, что на пособие от РГО П.С. Нечогиному «рассчитывать нельзя, к тому же в крае уже имеются лица, занимающиеся археологическими раскопками». Тогда он незамедлительно пишет в Русское археологическое общество заявление, предлагая свою услугу – «указать найденную местность для предполагаемой разработки» при условии оплаты своего проезда от Симферополя «до сказанной местности», а если «окажутся найденными ценные вещи, то <...> выделить часть всей стоимости, <...> следуемой по закону» [Археология Семиречья 2011: 229–230].

К заявлению прилагалось новое описание, озаглавленное «О памятниках древности», в котором снова воспроизведены рисунки общего вида монастыря в горном ландшафте, аккуратно сложенных в «бугре» фигурок *ца-ца* и разреза одной из них, а также медальона с изображением «женской фигуры, представляющей мифическое божество» (рис. 2, 2–4, б). Безусловно, первые две иллюстрации делались П.С. Нечогиным по памяти, и сходство их с рисунками 1856 г. поразительно. Однако в новом тексте описания появились дополнения: ссылка на Чубар-муллу; уточнение, что надписи на *ца-ца* сделаны на «древнем индусском, или санскритском, языке»; детальная характеристика изображенного на медальоне персонажа, воспринятого как «вид богини плодородия Астарты, как значащейся в индусской мифологии»; пространные рассуждения о доисторической древности памятника, который выдается за «капище со скрытыми сокровищами». Явно с целью заинтересовать потенциального спонсора раскопок П.С. Нечогин прибавляет к достоверному описанию содержимого *ца-ца*, что «в некоторых оказались маленькие яхонты и самородки золота». В то же время, ни в заявлении, ни в описании памятника, в отличие от документов 1856 г., переданных в Вольное Экономическое общество, теперь не встречаются указания на точное местонахождение памятника: «В 1850-х гг. я был в Киргизской степи производителем работ одного укрепления»; «на

берегу одной реки находятся небольшие горы», – и только! П.С. Нечогин не предполагал, какую злую шутку в его судьбе может сыграть эта наивная игра в таинственность...

Из Русского археологического общества бумаги П.С. Нечогина были переданы «по принадлежности» в Императорскую Археологическую комиссию, откуда уже в январе 1888 г. последовал ответ с изъявлением готовности организовать экспедицию, командировать вместе с ним в «Киргизскую степь» специалиста и даже выдать вознаграждение «за ценные вещи, которые могут быть открыты в означенных буграх», но прежде выдвигалось условие – представить смету расходов на поездку к месту работ и на раскопки. Кроме того, предлагалось сообщить Комиссии, в каком состоянии сейчас находятся открытые им памятники, имея «в виду, что с 1850 г., в котором вам удалось ознакомиться с теми буграми, протекло уже 37 лет, в течение которых они могли подвергнуться расхищению со стороны кладоискателей». С этого момента в результате неточного цитирования авторского сообщения («в 1850-х гг.») впервые в переписке названа ошибочная дата открытия П.С. Нечогиным буддийского монастыря в 1850 г.; со временем эта неточность перешла в печатные издания [Отчет 1893: 72; Археологическая карта Казахстана 1960: 372 (№ 411)]. Наконец, сообщалось в письме, «весьма желательно было бы получить, вероятно, имеющиеся у вас образчики глиняных пирамидок и медальонов».

После такого делового отклика П.С. Нечогину ничего не оставалось, как раскрыть тайну местонахождения монастыря, ведь иначе было невозможно представить правильный расчёт расходов на проезд к месту проведения раскопок. В ответном послании он сообщает Комиссии о состоявшейся недавно переписке с канцелярией степного генерал-губернатора и пересылает её в Комиссию, указывая местонахождение памятника – Копальский уезд Семиреченской области. Одновременно он пересылает в Петербург «единственный сохранившийся у меня памятник древности – бурхан, изображающий корону богини Астарты». В следующем письме от 19 марта 1888 г., как следовало ожидать, П.С. Нечогин подтверждает свою готовность принять участие в экспедиции уже в мае или июне того же года и представляет расчёт расходов на дорогу к месту проведения раскопок из Симферополя через Москву, Пермь и Омск до Копала. Общая сумма расходов, включая содержание руководителей работ и наем рабочих для раскопок «верстах в 50-ти от Копала», получилась ошеломляющая: 3113 рублей [НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1. Оп. 1. 1888. № 5. Л. 15об. и 16]. Это решило исход «дела Нечогина»: коротким и сдержанным по тону письмом и. д. председателя В.Г. Тизенгаузен уведомил отставного инженера-подполковника, «что по значительности расходов, требующихся на производство <...> раскопок в Копальском уезде, <...> Комиссия не находит возможным приступить к этим работам в нынешнем году» [Археология Семиречья 2011: 238].

Буквально на следующий день, 22 апреля 1888 г., из Петербурга на имя степного генерал-губернатора отправлен запрос сведений о памятниках, открытых П.С. Нечогиным в 1850 г.: «не производились ли там уже кем-нибудь археологические раскопки <...> не имеется ли в вашем распоряжении научно подготовленное лицо, которому Комиссия могла бы поручить собрание сведений о местных древностях и производство пробных раскопок, и во что приблизительно по местным ценам могла бы обойтись разведка в двух–трех курганах» [Археология Семиречья 2011: 239]. К письму Комиссии прилагалась записка П.С. Нечогина «О памятниках древности (близ Копала)», но это была не точная копия, а отредактированный и сокращённый текст оригинала (рис. 2, б), без рисунков автора и со многими купюрами, не изменявшими, на взгляд переписчика, главное содержание документа. Как понятно теперь, купированными оказались именно те немногие в записке инженера пояснения, которые могли бы подсказать на месте, где искать памятники и кому

о них известно. Так, в копии отсутствуют слова «кордонным способом», которые бы объяснили, что речь идёт о строительстве в 1854–1855 гг. оборонительных пунктов на почтовой дороге Копал–Верное, а не о фортификации какого-то «одного укрепления»; также опущен целиком абзац о Чубар-мулле, хотя упоминание именно этого свидетеля сразу бы помогло установить точное местонахождение буддийского монастыря на Каратале. В итоге из документов, представленных Комиссией в Омск, следовало лишь, что памятники обнаружены П.С. Нечогиным в 1850 г. где-то в 50-ти верстах от Копала на обрывистом берегу какой-то реки.

По распоряжению Г.А. Колпаковского, продублированному военным губернатором Семиреченской области Г.И. Ивановым, летом 1888 г. в Копальском уезде организован поиск памятников, открытых П.С. Нечогиным. Молодой чиновник уездного управления, письмоводитель Н.П. Теплов, получив от начальства особое задание, первым делом обратился с расспросами к старожилам края. «Из числа старожилов, – пишет он в своем обстоятельном отчете, – более сведущим оказался казак станицы Капальской Иван Николаев Нечаев, который и объяснил мне, что подполковника Нечогина он знал, а также помнит о произведенных им осмотрах курганов в 50 верстах от Капала, которые находятся на равнине за урочищем Кызыл-Агачем на северо-запад от г. Капала» [Археология Семиречья 2011: 242]. На поиски «курганов» Н.П. Теплов отправился верхом в сопровождении переводчика и двух понятых из числа местных жителей: Улепая Токаева, аульного старшины Биен-Куяндинской волости, и муллы Галиаскара. На предгорной равнине в междуречье Кызылагаш и Биен, куда разведчиков привели показания И.Н. Нечаева, Н.П. Теплов обследовал несколько древних могильников и «два кургана, окруженных валом», на поверхности которых собрал черепки глиняной посуды и кусок кирпича; так были впервые обследованы руины средневекового городища Сагабуен. Отчет о результатах разведки с «наглядным чертежом», где Н.П. Тепловым указано местонахождение всех памятников, найденных примерно в 50 верстах к северо-западу от Копала (прогонные деньги ему выплачены за 120 верст пути), был представлен начальству, а затем в сокращенном виде – в Петербург.

Далее, с 11 февраля 1889 г., последовала неспешная переписка Комиссии с Н.Н. Пантусовым, которому предлагалось произвести раскопки «хотя одного или двух курганов <...> за урочищем Кызыл-Агач», для чего по обоюдному согласию сторон выделялось 200 рублей [Археология Семиречья 2011: 246]. Однако служебная занятость агента Археологической комиссии в Семиреченской области отодвинула сроки проведения экспедиции. «Поездку в Капал я мог совершить только в сентябре 1890 г., и из Капала отправился на Кызылагаш, где и прожил две недели, занимаясь исследованием местности и раскопками», – сообщил Н.Н. Пантусов, представив в Комиссию свой отчет спустя еще один год, 16 сентября 1891 г. [Археология Семиречья 2011: 282]. В нескольких ущельях к северу от р. Кызылагаш Н.Н. Пантусовым открыты петроглифы, а на равнине проведены раскопки курганов. Однако главная цель экспедиции не была достигнута: «Я старался найти ту местность, которая столь неясно описывается господином Нечогиным. Самые тщательные расспросы и личные поездки по всей окрестности не выяснили дела, и я этой местности не нашел. <...> Предлагаемые господином Нечогиным данные крайне неопределенны: “на берегу одной реки находятся небольшие горы...” Господин Нечогин не дает ни названия реки, ни названия гор, даже не говорит, в каком они направлении от Капала – на север ли, на юг ли...» [Археология Семиречья 2011: 282–283].

Все это время П.С. Нечогин пребывал в неведении о переговорах Комиссии с администрацией Степного края и Семиреченской области, об организации раскопок в Копальском уезде. Последнюю отчаянную попытку вернуться на Каратал, чтобы самостоятельно, на свои средства, провести

раскопки буддийского монастыря, он предпринял в конце 1891 г., когда отчёт Н.Н. Пантусова уже был доставлен в Петербург. В своем обращении к членам Комиссии, 10 декабря, он пишет со скрытым упреком: «Я в течение 2½ лет находился в ожидании распоряжения Комиссии, но которого еще не последовало и по настоящее время». Теперь П.С. Нечогин просит лишь выдать ему открытый лист на «разработку заявленной местности» и подорожную (казенный документ, дававший право пассажиру пользоваться бесплатно почтовыми лошадьми) до Копала, а за такое содействие обязуется «все найденное, относящееся к археологической сфере, собрать и доставить по принадлежности в Императорскую Археологическую Комиссию» [НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1. Оп. 1. 1888 г. Д. 5. Л. 26 и об.]. На документе под штампами «Доложить в заседании» и «Заслушано» стоит дата: 21 декабря 1891 г. Официального ответа Комиссии, по-видимому, П.С. Нечогин не получил.

Резюме отчета Н.Н. Пантусова о полевых исследованиях в Копальском уезде опубликовано в 1893 г., и в первых его строках как приговор звучало итоговое заключение Археологической комиссии: «Раскопка пяти курганов, произведенная в указанной местности г. Пантусовым в 1890 г., не подтвердила показаний г. Нечогина» [Отчет 1893: 72]. Печальный финал «дела Нечогина» кажется особенно невероятным потому, что никто из участников поиска буддийского монастыря в конце 1880-х гг. не распознал его в детальном описании памятника на обрывистом берегу Каратала, которое Н.А. Абрамов опубликовал в общедоступном издании РГО ещё в 1867 г.

Заклучение

Систематический сбор материалов по археологии Семиречья дореволюционного периода в архивах Алматы и Санкт-Петербурга, организованный И.В. Ерофеевой в 2008–2009 гг., помог выявить и детально изучить неизвестные ранее и малоизвестные документы, объясняющие причины неудачных поисков буддийского монастыря близ Копала в конце XIX в. В то же время, обнаруженные в архиве РГО источники («Описание» П.С. Нечогина 1856 г. и кульджинская тетрадка П.А. Никитина) безоговорочно подтвердили существование памятника и актуализировали возобновление его поисков, но также внесли диссонанс в свидетельства других очевидцев о местонахождении монастыря. Более того, настойчивые указания П.А. Никитина, что от Каратальского выселка «бывшие буддийские здания» находятся в 12 верстах выше по Караталу, а не вблизи переправы, т. е. около 8-ми верст, как следует из пояснений П.П. Семенова и Н.А. Абрамова, привели к выбору ошибочного направления для поиска памятника в 2010 г. Это мнимое противоречие разрешается только при условии, если предположить, что П.А. Никитин указал суммарный путь до переправы и вдоль подножия гор Лаба вниз по Караталу. В таком случае, на страничках его тетради описаны находки (глиняные медальоны, ца-ца и наскальные тибетские надписи), по меньшей мере, из двух разных местонахождений – вблизи переправы и ниже по реке в 4-х верстах. Окончательное решение проблемы зависит от результатов будущих полевых исследований.

Археологические разведки 2008–2009 гг. охватили южные склоны гор Лаба от западной оконечности до подножья вершины Лабашоки, исключая территорию, где р. Теректы перед впадением в Каратал протекает вдоль её обрывистого края. Помимо многочисленных памятников древних эпох, в средней части гор, в двух смежных горных долинах, выявлена группа поселений с разрушенными каменными постройками, предварительно датированными не позднее XVIII в. Однако взаиморасположение строений и само их местонахождение в горном ландшафте не находили соответствия ни в зарисовках П.С. Нечогина, ни в словесных описаниях руин монастыря П.П. Семенова и Н.А. Абрамова. Дальнейшие поиски памятника в горах Лаба были прерваны.

Поводом для возобновления поисков в 2023 г. послужило сообщение краеведа Рафаэля Хисматуллина (г. Талдыкорган) об обнаружении полузасыпанной землёй лесенки, сложенной из обработанных камней на склоне одного из ущелий в горах Лаба (рис. 4, 2). Хотя беглый осмотр на месте показал, что речь идёт о том же комплексе построек XVIII в., открытом нами в 2009 г., последующая рекогносцировка необследованного тогда участка подножия горы Лабашоки, наконец, позволила отыскать и задокументировать руины буддийского монастыря (рис. 4, 1, 3), некогда запечатлённые на рисунках военного инженера П.С. Нечогина. На скалах вблизи руин обнаружена также одна из двух тибетских надписей, с неточностями воспроизведенная в тетради П.А. Никитина (рис. 4, 4, 5). Несмотря на значительные повреждения построек, следы глубоких траншей и перекопов, их взаиморасположение и размеры в целом совпадают со словесным описанием Н.А. Абрамова. Поразительно сходство четырех «бугров» у края скалистого обрыва и группы других строений по ту сторону лога, отмеченных как «фигура 1» на панорамных рисунках П.С. Нечогина, с зафиксированными на месте руинами бывших сооружений (ср. рис. 2, 1; 4, 1, 3).

Обнаруженный нами в 2023 г. храмово-монастырский комплекс на горе Лаба, как предполагала И.В. Ерофеева, является «одним из первых буддийских монастырей на территории Семиречья и был построен во второй половине XVII в.»; он был заложен «около реки Каратал влиятельным правителем хошутов Очирту-Цэцен-ханом (1638–1680) либо его политическим соперником, а затем и правопреемником в Джунгарии Галданом-Бошохту-ханом и просуществовал не менее 80–90 лет» [Ерофеева 2017: 37–38]. Уникальный культовый памятник, поиски которого растянулись на многие десятилетия, сегодня остаётся в своем живописном природном окружении чрезвычайно легкодоступным и незащищённым, что заставляет умалчивать в открытой печати о его точном нахождении. Как никакой другой, этот памятник нуждается в скорейшем принятии неотложных мер по его сохранению для полноценного научного исследования и последующего включения в сферу международного и отечественного туризма.

Благодарности. Автор выражает глубокую признательность за бескорыстную помощь в организации обследования и документирования памятника в 2023 г. своему старшему коллеге, доктору исторических наук, профессору Г.В. Кану, кандидату исторических наук И.С. Югай, а также Г. Сарбасову, краеведам-волонтерам А. Шатохину и Д. Белову.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Абрамов Н.А. Река Каратал с ее окрестностями // Записки РГО по общей географии. 1867. Т. 1. С. 269–278.
- 2 АКК – Археологическая карта Казахстана / Сост. Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1960. 450 с.
- 3 Археология Семиречья. 1857–1912 гг. / Сб. док. и м-лов / Отв. ред. Б.Т. Жанаев, сост. И.М. Самигулин. Алматы: Изд. LEM, 2011. 664 с.
- 4 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах / Сост. А.Х. Маргулан. Алма-Ата: гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 1. 432 с.
- 5 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах / Сост. А.Х. Маргулан. Алма-Ата: гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 2. 416 с.
- 6 Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб.: тип. В. Безобразова и К^о, 1873. 573 с.
- 7 Длужневская Г.В. Императорская Археологическая комиссия – главное археологическое учреждение Российской империи (1859–1917) // Записки Института материальной культуры РАН. 2006. № 1. С. 112–118.
- 8 Ерофеева И.В. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII – середина XIX в.) // Монголика XVIII: сб. статей / И.В. Кульганек (предс. ред.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 35–48.

- 9 Жанаев Б.Т. Чала-казаки в XIX – начале XX в.: происхождение, расселение, занятия // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: м-лы междунар. науч. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 272-304.
- 10 Ивлев Н.П. И оживают биографии: [Записки краеведа]. Алма-Ата: Казахстан, 1983. 204 с.
- 11 Леденев Н.В. История Семиреченского казачьего войска. Верный: тип. Семиреч. обл. правления, 1909. 859 с.
- 12 Марков С.Н. Идущие к вершинам: историко-биографическая повесть. Алма-Ата: Жазушы, 1981. 352 с.
- 13 Недзвецкий В.Е. Летопись главнейших событий в истории Семиречья (по 1904-ый год) // Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1905-й год. Верный: тип. Семиреч. обл. правления, 1905. С. 3-76.
- 14 Определения ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Ч. CCLXXV (275). Май. (Пагинация сквозная в каждой части журнала). С. 33-58.
- 15 Отчет Императорской Археологической комиссии за 1890 год. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1893. 152 с.
- 16 Прокурин В.Н. Жизнь и судьба генерала Колпаковского. Алматы: ServicePress, 2018. 321 с.
- 17 Рогожинский А.Е. История одной полузабытой находки и опыт организации охраны археологических памятников Семиречья в конце XIX в. (по архивным источникам) // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2011. № 3 (282). С. 184-195.
- 18 Сала Р., Деом Ж.-М. Памятник наскального искусства Коктас // Амиргалиев М.О., Железняков Б.А., Херманн Л., Шарипов Р.К. Наскальное искусство Жетысу. Алматы: Жамбыл, 2019. Приложение. С. 258–273.
- 19 Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М.: гос. изд-во геогр. лит., 1947. 380 с.
- 20 Тихомиров Б.Н. «Я, нижепоименованный Федор Достоевский...» (Присяга на верность службы 20 августа 1841 года) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 5-19.

REFERENCES

- 1 Abramov, N. A. 1867. In: *Zapiski RGO po obshchey geografii (Notes of the Russian Geographical Society on general geography)*, 1, 269-278 (in Russian).
- 2 Ageyeva, Ye. I., Akishev, K. A., Kushayev, G. A., Maksimova, A. G., Senigova, T. N. (compl.). 1960. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the KazSSR (in Russian).
- 3 Zhanaev, B. T. (ed.), Samigulin, I. M. (compl.). 2011. *Arheologiya Semirechya (Archaeology of Semirechye)*. 1857–1912. Almaty: “LEM” Publ. (in Russian).
- 4 Valikhanov, Ch. Ch. 1984. *Sobranie sochineniy v pyati tomah (Collected works in 5 vol.)*, 1 / Margulan, A. Kh. (compl.). Alma-Ata: “Kazahskaya sovetskaya entsiklopediya” Publ. (in Russian).
- 5 Valikhanov, Ch. Ch. 1985. *Sobranie sochineniy v pyati tomah (Collected works in 5 vol.)*, 2 / Margulan, A. Kh. (compl.). Alma-Ata: “Kazahskaya sovetskaya entsiklopediya” Publ.
- 6 Venyukov, M. I. 1873. *Opyt voennogo obozreniya russkikh granits v Azii (The experience of military review of Russian borders in Asia)*. Saint Petersburg: “V. Bezobrazov & K” Publ. (in Russian).
- 7 Dluzhnevskaya, G. V. 2006. In: *Zapiski Instituta materialnoy kultury RAN (Notes of the Institute for the Material Culture of the RAS)*, 1, 112–118 (in Russian).
- 8 Erofeeva, I. V. 2017. In: Kulganek, I. V. (ed.). *Mongolika*, 18. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ., 35–48 (in Russian).
- 9 Zhanaev, B. T. 2010. In: *Rol nomadov v formirovanii kulturnogo naslediya Kazakhstana. Nauchnye chteniya pamyati N.E. Masanova (The role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan. Scientific readings in memory of N.E. Masanov)*. Almaty: “Print-S” Publ., 272-304 (in Russian).
- 10 Ivlev, N. P. 1983. *I ozhivayut biografii: [Zapiski kraevedu] (And biographies come to life: [Notes of a local historian])*. Alma-Ata: “Kazakhstan” Publ. (in Russian).

- 11 Ledenev, N. V. 1909. *Istoriya Semirechenskogo kazachiego voiska (The history of the Semirechensk Cossack army)*. Vernyi: “Semirech. obl. pravlenie” Publ. (in Russian).
- 12 Markov, S. N. 1981. *Idushchie k vershinam: istoriko-biograficheskaya povest (Going to the top: a historical and biographical story)*. Alma-Ata: “Zhazushy” Publ. (in Russian).
- 13 Nedzvetskiy, V. E. 1905. In: *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar Semirechenskoj oblasti na 1905 god (Commemorative book and address-calendar of the Semirechensk region for 1905)*. Vernyi: “Semirech. obl. pravlenie” Publ., 3-76 (in Russian).
- 14 1891. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Public Education)*, 275, 33–58 (in Russian).
- 15 1893. *Otchet Imperatorskoj Arheologicheskoy komissii za 1890 god (The report of the Imperial Archaeological Commission for 1890)*. Saint Petersburg: “Imp. Akademia nauk” Publ. (in Russian).
- 16 Proskurin, V. N. 2018. *Zhizn i sudba generala Kolpakovskogo (The life and fate of General Kolpakovskiy)*. Almaty: “ServicePress” Publ. (in Russian).
- 17 Rogozhinskiy, A. E. 2011. In: *Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. i gum. nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social and humanitarian sciences series)*, 3 (282), 184–195 (in Russian).
- 18 Sala, R., Deom, J.-M. 2019. In: Amirgaliev, M. O., Zheleznyakov, B. A., Hermann, L., Sharipov, R. K. *Naskalnoe iskusstvo Zhetysu (Zhetysu rock art)*. Almaty: “Jambyl” Publ., 258–273 (in Russian).
- 19 Semenov-Tyan-Shanskiy, P. P. 1947. *Puteshestvie v Tyan-Shan v 1856–1857 (A trip to Tien Shan in 1856–1857)*. Moscow: “Gos. izd-vo geogr. lit.” Publ. (in Russian).
- 20 Tikhomirov, B. N. 2020. In: *Neizvestnyi Dostoevskiy (The Unknown Dostoevsky: online research journal)*, 3, 5-19 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.09.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 30.10.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.10.2023.

